

DOI 10.32726/2411-3417-2020-2-133-146

УДК 94

АЛЕКСЕЙ ТИМОФЕЕВ

«Большая сделка» Ялтинской конференции и ее осуществление на местах: случай Югославии. Приграничное повстанчество 1945–1948 гг.

Аннотация. «Большая сделка» Ялты стала дипломатической формой признания на высшем уровне силовых возможностей Красной армии, но на местном уровне до соблюдения договоренностей было далеко. Подъем антикоммунистического повстанчества в послевоенной Югославии опирался идеологически (а в приграничных районах и материально) на поддержку англо-американцев. Кроме сербских четников, в последние месяцы войны и первые послевоенные годы в Югославии действовали и другие повстанческие группы, включая словенские части Матъяжевой армии, хорватских крижаров, албанских баллистов. После разрыва Югославии с СССР в 1948 г. Иосип Броз Тито перестал восприниматься Западом как угроза и численность повстанцев стала резко сокращаться. Единичные случаи «просоветского повстанчества» также имели место, но не получили реальной поддержки из СССР и сошли на нет, подарив Югославии четыре десятилетия мира.

Ключевые слова: Ялтинская конференция, Югославия, повстанчество, партизанская тактика, противоповстанческие операции, межнациональные отношения на Балканах.

В текстах договоренностей, достигнутых на Ялтинской конференции, Югославия упоминалась достаточно скупно. В целом окончательные решения Крымской конференции 4–11 февраля 1945 г. были зафиксированы в итоговом Протоколе работы конференции. По Балканскому вопросу был выделен ряд тем: параграф VIII касался Югославии и рекомендовал Иосипу Броз Тито и доктору Ивану Шубашичу привести в действие соглашение Тито — Шубашич, создать новое правительство, расширить Антифашистское вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ) и готовиться к созыву Учредительного собрания. В параграфе IX рассматривались итало-югославская и австро-югославская границы, впрочем, несмотря на ноты британской делегации, общее решение этих вопросов не было выработано. Параграф X затрагивал югославско-болгарские взаимоотношения. СССР настаивал на желательности югославско-болгарского договора о союзе. Британцы были категорически против такого союза, так как Болгария все еще находилась под режимом перемирия, несмотря на то, что ее войска

Сведения об авторе: ТИМОФЕЕВ Алексей Юрьевич (Сербия) — профессор, ведущий научный сотрудник Института новейшей истории (Белград, Сербия), доктор исторических наук, al.timofev@gmail.com

уже активно с октября 1944 г. участвовали в борьбе против немцев. Таким образом, практические проблемы разграничения Балкан были зафиксированы достаточно ясно [Тимофеев Ялтинская...с. 115–135].

Несомненно, что «Большая сделка» Ялты стала дипломатической формой признания на высшем уровне силовых возможностей Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА), проявленной в противостоянии с германским вермахтом. В голосе советского руководства на конференции звучал мощный гул советских танков, неумолимо продвигавшихся на Запад. Вынужденные признать раздел Европы на сферы влияния англо-американские союзники формально согласились на взаимоуважение и приверженность договорам. Однако на местном уровне до таких договоренностей было далеко. Несмотря на условные соглашения о разделе зон влияния, в тот период Балканы стали частью более широкого пояса нестабильности. Зона напряженной ситуации на грани гражданской войны распространялась в то время не только на территории Прибалтики, Западной Украины и Польши, но и на территории Юго-Восточной Европы — на Югославию, Румынию, Албанию и приграничные с Турцией районы Болгарии. При этом в Греции, где оккупационными войсками были англичане и знаки противостояния были противоположными, гражданская война полыхала с еще большей силой. В Италии, Франции и Испании коммунистические полуподпольные военизированные организации также пытались, без особых, правда, успехов, защитить свое место под солнцем. Балканы к этому времени были уже *de facto* «поделены» между СССР (Болгария, Румыния, Югославия и Албания) и англо-американскими союзниками (Греция и Турция). Войска и основные усилия англо-американцев на Балканах были сконцентрированы в Греции, кроме того, они оказывали военную помощь Турции, где имелись западные военные миссии и военные инструкторы. Советские войска были размещены в Румынии и Болгарии, а в Албании и Югославии уровень советского военного присутствия также ограничивался военными миссиями, военной помощью и инструкторами. При этом в Румынии и Болгарии (как и в ряде других стран Европы, участвовавших во Второй мировой войне на стороне проигравших) действовали Союзные контрольные комиссии (СКК). Если СССР устанавливал железной рукой свой порядок в Румынии, Болгарии и Венгрии, не очень оглядываясь на союзников, последние, в свою очередь, делали то же самое в Италии и Греции. Стоит уточнить, что первыми конфронтацию начали англо-американцы, еще в 1943 г. приступив к вытеснению из новых правительств представителей политической оппозиции (коммунистов в Италии), выдвигая претензии к соседним странам по территориальным вопросам (проанглийское правительство в Греции) и добиваясь маргинализации роли союзников, не имевших военной мощи на территории оккупированной страны (положение советской базы АГОН в Бари и т.д.).

В этом смысле важным местом будущего противостояния стала Югославия. Претензии коммунистической Югославии на австрийскую Каринтию и на итальянский Триест вызывали отрицательные эмоции у англо-американцев. Югославские коммунисты следовали в фарватере советско-американских отношений, опиравшихся на общую выгоду в борьбе с немецким нацизмом, но не исключавших твердого отстаивания собственных целей в борьбе с противником. Известно несколько случаев межсоюзнических воздушных боев и обстрелов советских войск авиацией союзников. Наиболее

известный произошел 7 ноября 1944 г. на территории Югославии [Рубцов, с. 10–15]. Американскому воздушному удару подверглись передвигавшиеся походным маршем части 6-го гвардейского стрелкового корпуса 3-го Украинского фронта в районе Чамурлия в тогдашнем пригороде Ниша. В результате налета американских самолетов на советскую автоколонну были убиты командир корпуса генерал-лейтенант Г.П. Котов, два офицера и трое рядовых. Также было сожжено 20 автомашин с имуществом. Для отражения нападения американских ВВС была поднята советская авиация. Открывшая огонь советская зенитная артиллерия сбила 1 самолет ВВС США и 1 самолет ВВС РККА, причем советский летчик погиб. Кроме того, американские пилоты сбили в завязавшемся бою еще 2 самолета ВВС РККА, один из летчиков погиб [ЦА МО РФ. Ф. 866 иап. Оп. 223502. Д. 3]. Еще один инцидент имел место 18 марта 1945 г. над расположением советских войск на восточном берегу реки Одер, севернее города Кюстрин. Там произошел настоящий воздушный бой между советскими и американскими самолетами, в ходе которого было сбито шесть советских самолетов, двое советских летчиков погибли, а один получил тяжелое ранение [ЦА МО РФ. Ф. 40. Оп. 11549. Д. 292]. Однако пиком этой напряженности на южном фронте можно назвать приказ командующего фронтом от 2 апреля 1945 г. [ЦА МО РФ. Ф. 37 ОА. Оперативный отдел (далее ОО). Д. 16], обращенный к командующим армиями и командирам отдельных корпусов, начальнику тыла фронта, начальнику войск по охране тыла фронта. «За последнее время, — говорилось в нем, — участились случаи посадки иностранных, в том числе американских самолетов на территории, занятой нашими войсками. Вредное благодушие, ненужная доверчивость и потеря бдительности со стороны личного состава частей Красной армии и в первую очередь ВВС способствует использованию этих посадок враждебными элементами, переброску на нашу территорию террористов, диверсантов и агентов. В связи с вышеизложенным и в соответствии с директивой Ставки Верховного главнокомандования 016050 от 30.3.45. приказываю:

1. Все экипажи севших без разрешения на территории, занятой нашими войсками, исправных или неисправных иностранных самолетов, в том числе американских и английских, интернировать и содержать под арестом впредь до получения указаний о дальнейшем их направлении.
2. Иностранные самолеты, в том числе американские и английские, севшие на территории, занятой нашими войсками, считать трофейными. Исправные и поддающиеся полевому ремонту направлять в 17 ВА. Не подлежащие восстановлению самолеты сдавать в трофейные органы как металл или разбирать на запчасти.
3. Обо всех случаях интернирования иностранных экипажей немедленно шифром доносить».

Ситуация на Балканах оставалась накаленной, и в 1946 г. американские власти де факто не признавали суверенитета властей Югославии над воздушным пространством на западе страны и неоднократно нарушали его, не обращая внимания на югославские протесты. В начале августа 1946 г. югославское военное руководство получило приказ применить силу для прекращения нарушений суверенитета. Для этого 3 августа 254 истребительный полк, летавший на советских самолетах Як-3, был специально перебросен в Люблян. Югославские истребители начали преследование американского транспортного самолета «дакота», предупреждая о нарушении воздушного простран-

ства Югославии. Пилоты югославских истребителей получили команду открыть огонь, в результате чего один из моторов нарушителя был подожжен. Американскому летчику удалось принудительно посадить самолет в 12 км от города Краня, самолет получил невосстановимые повреждения, один член экипажа и один капитан турецкой армии на борту самолета были ранены. Три члена команды и четыре пассажира (два венгерских подданных, один капитан турецкой армии и один гражданин США) были задержаны без права доступа к американскому консулу или военному атташе. Возмущенные власти США не отступили, и десять дней спустя (19 августа) еще одна американская «дакота» нарушила воздушное пространство Югославии и была сбита 19 августа 1946 г. в районе острова Блед, причем спаслись на парашютах всего два члена экипажа. Всего в инциденте погибло пять человек, три из которых были американскими гражданами. Югославии пришлось выплатить компенсацию семьям погибших, а американские газеты зашумели о начале Третьей мировой войны [Dimitrijević, p. 105–127].

В этих условиях особое звучание получило развитие антикоммунистического повстанчества в послевоенной Югославии, которое опиралось идеологически (а в приграничных районах и материально) на поддержку англо-американцев, партнеров СССР по Ялтинской конференции 1945 г.

К весне 1945 г. в Югославии, когда часть военнослужащих квислингских и антикоммунистических повстанческих формирований погибли в бою, были арестованы, казнены или бежали за границу, по всей стране рассеялось немало представителей «потерпевших поражение сил». По данным титовской военной контрразведки, из Югославии после 1945 г. бежало около 300 000 «усташей, четников и прочих предателей», а осталось «около 12 000 пособников оккупантов, которые ушли в горы». По первой послевоенной переписи 1948 г., в Югославии проживало 15,77 млн человек. Таким образом, число политических эмигрантов составило около 2% от оставшегося в стране населения. Сравнения ради скажем, что в СССР соотношение численности эмигрантов к первой послевоенной переписи населения было меньше и составило лишь около 1,5%! [Razvoj... с. 34] Почти каждый народ в Югославии внес свой вклад в формирование разношерстной толпы врагов нового государства. Власти, следуя советской модели, использовали термин «банда» для обозначения всех своих поверженных противников — четников Дражи Михайловича, усташей, словенских домобранов и словенских четников (объединенных под именем словенских «белогвардейцев»), албанских сепаратистов, националистов и мятежников (которых скопом именовали «балистами»), а также малочисленных, но весьма активных членов Внутренней македонской революционной организации (ВМРО). Немногим лучше было отношение к довоенным буржуазным партиям и движениям. Если они не присоединились к Народному фронту, их ждала лишь маргинализация и во многих случаях репрессивные меры. Новые власти с подозрением относились и к религиозным сообществам, особенно к католической церкви из-за ее откровенных связей с Независимым государством Хорватия, сплоченности и закрытости.

Многонациональный характер югославского государства имел следствием не только пестроту повстанцев, но и изначальное преимущество, которым располага-

ли власти. Каждое из повстанческих движений действовало самостоятельно, без сотрудничества или координации с остальными, за исключением редких случаев. Новые югославские власти имели все то, чего не имели остатки потерпевших поражение сил, ушедших в подполье, а именно: четко сформулированную идеологию и стратегию, организованность и разветвленную структуру, органы безопасности и пропаганды.

Единственной централизованной югославской организацией по борьбе с коммунистами в Югославии в эмиграции, не чуравшейся вооруженной борьбой, стал Национальный комитет Королевства Югославия (НККЮ) и действовавший при нем Главный разведывательный центр (ГРЦ), расположенный в Зальцбурге. Помощь этим организациям югославских эмигрантов оказывали британская и американская разведка. Штаб-квартира Центрального НККЮ находилась в Лондоне. Представительство Центрального комитета НККЮ имелось и в Италии. В Австрии НККЮ, с разрешения союзников, начал действовать с сентября 1945 г. Его главной задачей стало оказание помощи югославским эмигрантам, оставшимся в Австрии [Premk, s. 107]. Король Петр II возглавлял находившийся в Лондоне ЦНККЮ, в состав которого входили политики, лидером которых был Слободан Йованович. Римским ЦНККЮ руководили Живко Топалович из Земледельческой партии, Адам Прибичевич из Самостоятельной демократической партии, Юрай Крневич из Хорватской крестьянской партии и Миха Крек из Словенской народной партии. Зальцбургский НККЮ имел в своем состав девятых членов, старшим из которых был белградский адвокат Стеван Тривунац — член Главного комитета Радикальной партии.

Послевоенная повстанческая деятельность четников описана в отечественной историографии. Четники или Югославская армия в отечестве (ЮАвО) под командованием генерала Дражи Михайловича представляли собой в первые послевоенные дни наиболее многочисленное югославское антикоммунистическое движение, так как его деятельность охватывала наиболее обширную территорию, а его лидер, в отличие от прочих политических вождей подпольных движений, не покинул страны [Тимофеев Четники...с.287–288]. Драголюб «Дража» Михайлович был окопным офицером Первой мировой войны, блестящим генштабистом межвоенной Югославии, который не покинул страну в 1941 г. На завершающем этапе гражданской войны четники понесли тяжелые потери в ходе боев с Югославской армией (ЮА, как с марта 1945 г. стала называться партизанская Народно-освободительная армия Югославии) в восточной Боснии и Герцеговине в мае 1945 г. Тогда была практически уничтожена большая часть сил под командованием Дражи Михайловича, которые так и не смогли оправиться от этого поражения и восстановить общую организационную структуру. Самого Дражу Михайловича арестовали и убили после короткого и достаточно формального судебного процесса в 1946 г. После этого организованное сербское движение сопротивления пошло на спад, хотя последние группы четников вылавливали до середины 50-х годов.

Кроме сербских четников в последние месяцы войны и первые послевоенные годы в Югославии действовали и другие повстанческие группы.

В Словении объединение антикоммунистических сил состоялось еще в ходе войны, в январе 1945 г., когда различные формирования созданного немцами Словенского домобранства, словенской части Югославской армии в Отечестве, а также выжидавшие конца войны офицеры запаса образовали Словенскую народную армию — СНА (*Slovenska narodna vojska*). Она стала выполнять функцию вооруженных сил Словенского народного комитета, который в начале мая попытался провозгласить народное государство Словению как автономную единицу в составе федеративного Королевства Югославия [Premk, s. 69]. В этом качестве СНА вместе с прочими преимущественно сербскими квислингскими формированиями — Сербским добровольческим корпусом Димитрия Летича, четниками из Далмации и Лики под командованием Момчило Джуича и Добросава Йевджевича — дали непродолжительный отпор наступающей Югославской армии [Тимофеев Сербские... с. 280–286]. Поражение, отступление в Австрию и Италию, сдача в плен англо-американцам и попытка нового прорыва большой группой в Югославию, где большую ее часть физически ликвидировали, — все это еще больше обострило их антикоммунистические настроения.

Летом 1945 г. при поддержке разведслужб союзников был создан Главный разведывательный центр (ГРЦ), во главе которого с декабря 1945 г. и до лета 1949 г. находился бывший подполковник югославской королевской армии Андрей Глушич. Главный разведывательный центр при НККЮ основан в лагере для беженцев Санкт-Йохан в Понгау (Австрия). В первое время деятельность ГРЦ сосредоточилась на организации разведывательной сети среди югославских эмигрантов, которые забрасывались бы в страну с целью установления связи с лидером четников Дражей Михаиловичем. Разведслужба действовала на австрийско-югославской границе и формально находилась в составе Словенской армии Королевской югославской армии (Словеначка армија Краљевске југословенске војске). До упразднения ГРЦ в 1949 г. его филиалы, называвшиеся Разведывательными центрами (РЦ), действовали в Клагенфурте (РЦ 101 и РЦ 507), в Липнице и Триесте (РЦ 305) и в Горице (РЦ 505). Свои донесения ГРЦ отправлял органу американской военной разведки — Корпусу контрразведки (CIC, Counter Intelligence Corps). Наряду с американским CIC-ом, разведывательный центр оказывал помощь и органам британской военной разведки в лице Отделов полевой безопасности (FSS, Field Security Section) [Premk, s. 108].

Разведчики ГРЦ занимались подготовкой и вербовкой словенцев в Граце, Клагенфурте и Триесте: из их агентов создавались террористические группы, которые организовывали подполье на территории Словении. Эти группы носили собирательное пропагандистское название Матьяжева армия, названную в честь мифологического короля Матьяжа, который, должен был пробудиться ото сна и освободить словенский народ от притеснителей [Ibid, s. 180]. От лица Матьяжевой армии активно велась пропаганда. Прежде всего посредством печатного органа — газеты «Голос Матьяжа — вестник словенского антикоммунистического движения» («*Matjažev glas — glasilo slovenskega protikomunističnega gibanja*») [Ibid, s. 260]. Во время пребывания на территории Словении члены Армии распространяли пропагандистские материалы ЦНККЮ. Регулярное радиовещание ЦНККЮ осуществлялось из Австрии, где действовало несколько пропагандистских станций-однодневок: радиостанции «Равна Гора», «Триглав», «Радио Любля-

на», «Свобода или смерть», «Единая Словения», «Свободная крестьянская Хорватия», «Радио Сава». Хотя программа Матьяжевой армии и была югославистской, она осталась исключительно словенским явлением, о котором в остальной Югославии не слышали. Это, по-видимому, объяснялось как типичной для словенцев во все годы существования Югославии национальной закрытостью, так и слабым успехом пропаганды Матьяжевой армии. Членов Матьяжевой армии характеризовал последовательный антикоммунизм. Их деятельность была направлена против носителей и символов новой системы, однако со временем она свелась к банальному грабежу. В отличие от четников и крижаров (крестоносцев) база словенских антикоммунистов располагалась за границей. С территории соседней Австрии они периодически проникали в Югославию, вызывая тем самым многочисленные приграничные инциденты. Вскоре после укрепления режима Тито в Югославии и падения шансов на возрождение некоммунистической Югославии среди словенских повстанцев также возобладали идеи национализма, с полным разочарованием в «югославянстве» как знамени коммунистов [Report from Slovene Christian...]. Это отражало общие настроения словенцев [Political and Economic...].

Забрасываемых из Австрии членов Матьяжевой армии и оставшихся непосредственно по окончании боевых действий в Словении многочисленных представителей словенских антикоммунистических и квислингских формирований титовцы скопом называли «белогвардейцами» или «БГ». Эти группы главным образом рассчитывали на конфликт между СССР и англо-американцами, который приведет к интервенции и свержению коммунизма в Югославии.

Намного большим размахом отличались хорватские повстанческие группы. Если оценивать антикоммунистические движения в соответствии с общими параметрами — численностью, территориальной распространенностью, уровнем организации, политико-пропагандистской деятельности, а также степенью поддержки населения, — то в послевоенной Югославии наибольшим успехом и влиянием пользовались именно хорватские крижары (крестоносцы). За этим названием стояли бывшие представители вооруженных сил НДХ и ее политических структур, в первую очередь усташи. Действовали они в Хорватии и Боснии и Герцеговине. Кроме названия «крижары», использовались и другие прозвища — «шкрипари», «ямари» и «камишари», которые происходили от диалектных названий укрытий, скрывавших повстанцев. Суть их политической программы отражал лозунг «Все ради Христа — против коммунистов».

В отличие от властей НДХ, которые привлекли на свою сторону мусульманское население БиГ, политико-пропагандистское влияние крижаров на мусульман оставалось ничтожным [Об этом подробнее см.: Radelić, s. 99–115]. Как и прочие противники коммунистического режима, они больше всего надеялись на помощь со стороны западных союзников. В 1946 г. властям, как и в случае с четниками, удалось обезглавить организацию крижаров. Однако крижары, прежде всего благодаря поддержке католического клира, смогли не только продолжить свою деятельность, но и добиться значительного пропагандистского влияния на хорватское население. Крижары пользовались всеми преимуществами, которые им предоставляла инфраструктура церкви, формировавшаяся на протяжении столетий.

В отличие от четников, крижары активно нападали не только на войска Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ), но и на тыловые части Красной армии и отдельных советских граждан в форме и без нее. Например, в донесении ООН в Хорватии от 7 апреля 1945 г. упоминается о деятельности большой группы бандитов в районе Крижница и Загреба, насчитывавшей около 100 человек и носившей название «Легион хорватских мстителей», которая занималась мобилизацией, нападала на партийные и местные органы. В то же время эта группа «организовывала засады и нападала на красноармейские транспорты, убивала солдат и курьеров» [Zbornik dokumenata... s. 123–124].

Принципиально отличалось от крижаров положение как четнических групп, которые, как правило, действовали изолированно, не имея связи друг с другом и не обмениваясь информацией, так и словенских повстанцев, которые полностью зависели от логистической поддержки из-за границы. В Хорватии церковь обеспечивала крижаров почти всем, начиная с удовлетворения основных потребностей (предоставления убежища, еды, одежды...) и заканчивая передачей донесений, тиражированием и распространением пропагандистских материалов, воздействием на паству посредством воскресных проповедей. Поддержка крижаров, лояльность к НДХ, участие в преступлениях в отношении сербов, евреев и цыган, а также прозелитизм и равнодушие к геноциду, совершавшемуся в НДХ, — все перечисленное привело к тому, что значительная часть представителей католической церкви хорватского происхождения подверглась репрессиям со стороны новых властей [Живојиновић]. Поведение католического клира трактовалось новыми властями как подозрительное и враждебное, граничившее с государственной изменой. Помощь, оказываемая крижарам, была лишь одним из преступлений, за которые католических священников, монахов и монахинь привлекали к суду [Ibid, s. 162]. Под ударом оказалась вся иерархия Римско-католической церкви — от сельского ксендза до самого архиепископа. Хотя арест и суд над Алоизием Степинацем состоялись в рамках более широкой кампании, цель которой состояла в том, чтобы нанести удар по католической церкви и ослабить ее связи с Ватиканом, обвинительное заключение в важной своей части инкриминировало архиепископу оказание помощи усташско-крижарской группе Шалич-Лисак, а также поддержание связей с Анте Мошковым — начальником личной охраны Анте Павелича (Поглавников тјелесни здруг) [Ibid, s. 203–204]. Степинаца осудили за его враждебность в отношении новых югославских властей, но обвинялся он в основном за связи с усташским режимом во время войны [Ibid, s. 195].

Усташские вожди, которым удалось избежать плена, вскоре собрались в Австрии и Италии, где в 1946 г. под прямым фактическим руководством Анте Павелича начал действовать так называемый Хорватский народный комитет (ХНК), который представлял собой переименованное усташское движение. ХНК, возглавляемый высокопоставленным усташским чиновником Божидаром Кавраном, стал играть роль как представителя усташской политической эмиграции, так и организатора антикоммунистического сопротивления в населенных хорватами областях Югославии [Radelić, s. 45].

Как и словенская антикоммунистическая эмиграция, ХНК сотрудничал с англо-американскими спецслужбами. Уровень и конкретные задачи этой кооперации малоизвест-

ны. Американская разведка в 1946 г. считала крижаров «перспективнее» словенской Матяжевой армии, оценивая их как самое «полезное» направление антикоммунистического подполья в Югославии [Anti-Communist...].

После того как в 1948 г. разразился конфликт Югославии и Информбюро, стало ясно, что Запад более не станет поддерживать кого-либо, кто преследует цель разрушение югославского государства. Наоборот, он будет оказывать помощь властям титовской Югославии, чтобы попытаться с их помощью дестабилизировать идею и практику коммунизма [Radelić, s. 51]. И все же хорватские экстремисты и после этого, и после разгрома на территории Югославии продолжили действовать за границей. Начались террористические нападения на югославские дипломатические, культурные и экономические представительства за рубежом, а также проникновения в страну вооруженных групп и одиночек с целью осуществления диверсионно-террористических актов. Параллельно шла неформальная охота боевиков югославской разведки на лидеров усташей и молодого поколения политической эмиграции за рубежом. Этот процесс продлился практически до самого конца существования СФРЮ [Bulatović, s. 70–16; Vukušić, s. 201–389; Hockenos, s.42–89].

Албанское население Югославии в большинстве своем проживало на территориях, которые вошли в состав Сербии и Черногории после освободительных войн сербского народа против Османской империи в 1878 и 1912 гг. Албанцы косовского вилайета (нынешняя северо-западная Македония и автономный край Косово и Метохия) со времен Первой призрачной лиги, основанной в 1878 г., выступали против любого усиления сербского влияния на этих территориях. Весь период 1878–1912 гг. на этой территории, где чересполосицей проживали сербы и албанцы, был ареной жестокого давления фанатичного мусульманского населения на православных, державшихся из последних сил за земли своих предков. При этом албанцы восставали и против турецкой власти, не желая платить налоги и подчиняться никаким требованиям и ограничениям [Тимофеев Крест... с. 42–89]. В результате Балканских войн территория Македонии, Косово и Метохии вошла в состав Сербии, что вызвало массовое восстание албанцев в 1913 г., подстрекаемых, как и ранее, Австрией. В период между двумя войнами городская и равнинная часть этих территорий была усмирена, но в приграничных и горных районах среди албанского населения имели место частые случаи бандитизма, который, несомненно, имел политические корни. Албанские повстанцы, так называемые «качаки», с большей или меньшей долей сознательности ориентировались на проект государственного объединения всех балканских земель, населенных албанцами [Тасић, s. 230]. В годы Второй мировой войны итальянская, а потом и немецкая оккупация принесли объединение в рамках этого шовинистического проекта большинства районов Косово, западной Македонии и Албании.

В послевоенные годы в тех районах Югославии, где проживало албанское национальное меньшинство, — в Косово и Метохии, в западной Македонии и, в меньшей степени, в Черногории, — действовали албанские антикоммунистические группировки, которым югославская власть присвоила общее название — балисты. Изначально так именовали себя члены албанской организации Бали Комбетар (Bali Komb tar — На-

циональный фронт), активность которой приходилась на годы Второй мировой войны. Эта организация появилась в 1942 г. в северной Албании и быстро распространила свою деятельность на территорию Косово и Метохии. Вопреки заявлениям об ориентации на западных союзников, она не чуралась и коллаборационизма. Помощь ей оказывали Италия, а затем и Германия. Носители коммунистической идеологии — народно-освободительные движения (НОД) Албании и Югославии — выступали в роли главных противников Бали Комбетар. Кроме того, планы югославских коммунистов по возрождению Югославии служили основным препятствием для достижения цели балистов — создания Великой Албании. Сотрудничая с итальянцами, а затем и немцами, балисты предоставляли в их распоряжение людские ресурсы для комплектования вспомогательных формирований, сражавшихся с коммунистами Албании и Югославии. В самом Косово и Метохии с 1943 г. действовала и Вторая призренская лига — организация с великоалбанской программой, связывавшая дальнейшую судьбу албанского народа со стратегическими планами Берлина. Для немцев сторонники лиги служили ресурсом для пополнения собственных вспомогательных частей и соединений, к которым относились албанское добровольческое территориальное ополчение «вулнетари», добровольческое военно-полицейское формирование «косовский полк» и 21-я дивизия СС «Скендербег» [Zaugg,]. Многочисленные военнослужащие этих частей остались в Косово и Метохии после отступления Вермахта [Борозан, s. 360–369]. Хотя балистами называли всех албанских мятежников, находившихся на территории КиМ и западной Македонии, члены и сторонники Второй призренской лиги, по сравнению с Бали Комбетар, представляли собой в Югославии более многочисленное и влиятельное повстанческое движение. В Македонии осенью 1944 г. в боях участвовало от 10 000 до 20 000 балистов, которые предпочли остаться на знакомой для них территории, а не отступить вместе с немцами. Их активность сильнее всего ощущалась в западной Македонии, которая во время Второй мировой войны входила в состав созданной итальянцами Великой Албании. К балистам после войны причислили и албанских наемников из болгарских формирований по борьбе с партизанами — так называемых контрчетников. При этом все перечисленные албанские повстанцы в первую очередь были не антикоммунистами, а противниками усиления сербской, югославской и вообще любой славянской власти и, таким образом, наследниками качаков — основоположников албанской повстанческой традиции, уходящей корнями в эпоху османского правления. Их всех объединяла великоалбанская программа [Батковски].

В первые послевоенные годы (1945–1948 гг.) доминировали ориентировавшиеся на западные страны вооруженные группы и политические группировки, состоящие из сторонников Бали Комбетара, Легалитета (монархическое движение сторонников свергнутого албанского короля Ахмеда Зогу [Albanian Resistance...]), к которым примкнули сторонники Второй призренской лиги и близкой к ней Бали Комбетара, бывшие вулнетары и контрчетники. Присутствие вооруженных групп на местах сопровождалось созданием подполья в населенных пунктах, ответственного за поддержку тех, кто боролся с государством с оружием в руках. Так, в КиМ и западной Македонии действовала Национально-демократическая шиптарская организация (НДШО). Антигосударственная подрывная деятельность ставила целью осуществление переворота в Албании и Югославии, результатом которого стало бы отторжение населенных албанцами обла-

стей и их объединение в Великой Албании. В связи с этим большие надежды возлагались на западных союзников, которые, как ожидалось, должны были вот-вот вступить в вооруженный конфликт с СССР [Батковски, с. 93–109].

В ходе завершающего этапа Второй мировой войны на балканском фронте албанское повстанческое движение резко усилилось с осени 1944 г. Наступление Красной армии в Румынии, Болгарии и Сербии привело к неизбежному отводу из Греции немецкой Группы армий «Е». Пути отступления вели через Албанию, Македонию, Косово и Метохию. Албанские союзники немцев, особенно в Косово и Метохии, стояли перед выбором — уйти со своими покровителями или остаться. Многие выбрали последнее. Около 30 000 албанцев, по немецким источникам, обеспечивали беспрепятственное отступление вермахта, решительно сражаясь с наступающими силами НОАЮ и 2-й болгарской армии Отечественного фронта [Борозан, с. 358].

После освобождения Косово и Метохии в ноябре 1944 г. перед руководством НОД и НОАЮ встали новые проблемы, которые оказались не по силам партийным и армейским представителям на местах [Joksimović]. Многочисленные оставшиеся бойцы различных албанских вооруженных формирований не собирались прекращать сражаться за объединение албанских земель, вопреки государственным границам. Как и в 1918–1919 гг., когда на просторах КиМ устанавливалась власть Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев, в 1944 г. тоже приходилось преодолевать албанскую ирреденту. При этом для поддержки военных усилий следовало максимально использовать местные экономические и людские ресурсы [Тасић]. Количество албанских мятежников увеличивалось день ото дня. Несмотря на плохую координацию, они во исполнение манифеста ЦК Второй призренской лиги от 18 октября подняли в начале декабря 1944 г. восстание «в защиту единства албанских земель». Так называемый Дреницкий мятеж начался 2/3 декабря с нападения на город Урошевац, власть в котором перешла в руки повстанцев. Лишь несколько дней спустя застигнутым врасплох частям НОАЮ удалось вернуть контроль над городом. В то же время окрестности оставались в руках повстанцев, которые оттуда совершали нападения на соседние населенные пункты. Таким образом, в конце декабря 1944 г. армейские части НОАЮ положили конец первой фазе мятежа.

Вторая фаза началась в начале января 1945 г., когда представители Оперативного штаба в КиМ начали переговоры с албанскими старейшинами о мобилизации албанского населения, способного к несению военной службы. Согласно достигнутой договоренности, в распоряжение НОАЮ поступало 5000 албанских новобранцев, которым армейское руководство решилось выдать оружие. Мобилизованных предполагалось отправить на Сремский фронт. Однако 23 января они отказались повиноваться и после безуспешных переговоров переместились в Дреницу, где объединились с местными повстанцами. Уже 25 января 1945 г. повстанцы начали активные наступательные действия. Отсутствие оперативных частей НОАЮ позволило мятежникам, которых насчитывалось около 12 000, распределить свои силы по дреницким селам. Вместо того чтобы подавить восстание, Оперативный штаб допустил заминку, которая только увеличила размах восстания. Верховному командованию пришлось принять ряд мер, направлен-

ных на урегулирование ситуации: переброшенные армейские части НОАЮ сражались с албанскими повстанцами вплоть до конца февраля. В ходе военной операции в КиМ югославская армия понесла серьезные потери. Из 39000 задействованных бойцов НОАЮ и Корпуса народной обороны Югославии (КНОЮ) из строя выбыло 3266: около 650 убитыми, около 1360 ранеными и 1256 пропавшими без вести. Потери противника остались неизвестными, однако предполагается, что они были намного больше, в том числе и среди гражданского населения. Уцелевшие повстанцы перешли к диверсионной деятельности и обычному бандитизму [Dr̄ljević, s. 589–590].

В дальнейшем (1948–1950) поведение албанских повстанцев оказалось под влиянием радикальных изменений характера отношений Югославии и прочих стран «народной демократии», наступивших после Резолюции Информбюро (ИБ), в которой Иосиф Сталин осудил Иосипа Броз Тито. Уже в годы Второй мировой войны югославские коммунистические партизаны в отдельных случаях возражали против возвращения Косова и Метохии в состав Югославии. В новых условиях албанские мятежники в Косово и Метохии и западной Македонии получили нового союзника в лице лидера Албании Энвера Ходжи. Разумеется, сохранилась великоалбанская идеология повстанческого движения, которая теперь подчинилась пропаганде коммунистической Албании при осуществлении вооруженных, пропагандистских или разведывательных мер, направленных против Югославии. Перед вооруженными группами, забрасывавшимися из коммунистической Албании, стояла задача распространения пропагандистских материалов сепаратистского характера, нападения на представителей власти и установления контактов с местным албанским населением [Батковски, s. 83–88].

Подобный вид албанской антисербской деятельности, адаптировавшийся к переменчивым международным условиям, представлял собой устойчивое явление опоры местного сепаратистского движения на иностранный фактор (от Австро-Венгрии в начале XX века до пропаганды НАТО в конце века). Горные районы приграничья с Албанией остались зоной нестабильности вплоть до кровавого распада югославского государства в 90-е гг.

Наряду с вышеперечисленными националистическими повстанческими группами на территории Югославии находилось еще несколько более мелких групп, которые гораздо реже напоминали о себе. В их числе — члены ВМРО, которые, в основном, действовали в восточной Македонии. Впрочем, они являлись рудиментом давно прошедшей эпохи и не могли серьезно повлиять на ситуацию с безопасностью. Несмотря на это, сначала Отделение по защите народа (ОЗНА), а затем и УДБ (Управление госбезопасности, аналог советского КГБ) с КНОЮ и Народной милицией приложили серьезные усилия к уничтожению этих групп.

Оперативники УДБ выделяли и группу Младомусульман, которая, по их словам, во время войны добивалась создания автономной, независимой от НДХ Боснии под покровительством Германии, а после войны, в 1945–1947 гг., тоже предпринимала какие-то попытки создания организации на местах. В связи с этим было арестовано 800 (!) че-

ловек. В Мостаре конфисковали архив организации и различные листовки [АС, ф. БИА, III/35, Бандитизм. S. 14]. Некий Шукрия Аянович, лидер группы повстанцев мусульман из Восточной Боснии, был убит органами югославской государственной безопасности в первой половине 1948 г. [Yugoslav Chetnik...]

Упоминания и данные об этих группах фрагментарны, так как они не имели большого значения. Поэтому в доступных автору данного исследования фондах союзного и сербского республиканского управления УДБ, архивах центральных органов военной контрразведки, где хранятся документы КНОЮ, нет объемных материалов, посвященных этим группам.

В первые послевоенные годы в роли главных внутренних врагов югославского коммунистического режима выступали сербские четники и повстанческие группы меньшинств. После разрыва титовской Югославии с СССР в 1948 г. режим Й. Тито перестал восприниматься Западом как угроза и перешел в разряд стран, которые нужно поддерживать. По молчаливому согласию была открыта словенско-австрийская граница, куда стали активно уходить группы националистов всех мастей. Американская разведка и ее подручные перестали забрасывать подрывные группы на территорию Югославии. Численность повстанцев стала резко сокращаться. Среди малочисленных противников курса на разрыв с СССР преобладали сербы как из самой Сербии, так и из Хорватии, Боснии и Черногории, к которым присоединились отдельные представители других югославянских народов [Заточеници... s. 7–49]. Открытых противников этой новой югославской политики было сравнительно немного в силу крайней жестокости титовского режима [Yugoslav Troop... Rumors of Tito...], количество жертв которого в процентном соотношении значительно превышало число жертв политических репрессий в то же время в СССР²⁸². Впрочем, не только в районах, населенных сербами, но и по всей Югославии проявлялись различные меры недовольства в поддержку Москвы (от листовок до саботажа) [Заточеници...].

Граждан Югославии, которые поддержали Резолюцию Информбюро 1948 г. и с большим уважением относились к Сталину, чем к Тито, в Югославии называли «информбюровцы» (сокращенно — ИБ-овцы). Их появление стало результатом кризиса отношений Белграда с первым социалистическим государством. В резолюции ИБ критиковались Тито и его ближайшее окружение, переставшие подчиняться Москве. Неудачные попытки инициировать критикой смену титовского руководства привели к расколу социалистического лагеря, а Тито после недолгих попыток продемонстрировать фиктивную верность коммунистической идеологии поспешил в объятия Вашингтона. Титовская Югославия в 1950–1954 гг. на всех парах двигалась в НАТО, получала западную военную помощь и даже подписала военно-экономический Балканский пакт с представителями НАТО в юго-восточной Европе — с Грецией и Турцией. Таким образом, именно на территории Западных Балкан впервые произошло резкое изменение договоренности о разделе сфер влияния между СССР и США. Изменение характера повстанчества в Югославии стало ярким индикатором этих изменений.

Литература

- Рубцов Ю.В. Удар американской авиации по советским войскам: Инцидент в день 27-й годовщины революции // Военно-исторический журнал. 1996. № 6.
- Тимофеев А.Ю. Крест, кинжал и книга. Старая Сербия в политике Белграда (1878–1912). СПб. 2007.
- Тимофеев А.Ю. Сербские союзники Гитлера. М. 2011.
- Тимофеев А.Ю. Четники. Королевская армия. М. 2012.
- Тимофеев А.Ю. Ялтинская конференция и Балканы в 1945 г.: опыт вооруженной поддержки дипломатических соглашений // Ялта 45: уроки истории. Система международных отношений в XX–XXI вв. и ее будущее: сб. материалов научной конференции, Ялта, 21–22 февраля 2018 г. Ялта. 2018.
- Центральный архив министерства обороны Российской Федерации (ЦА МО РФ). Ф. 37 ОА.
- Центральный архив министерства обороны Российской Федерации (ЦА МО РФ). Ф. 866 иап.
- Архив Србије. (АС) ф. БИА.
- Батковски Т. Великоалбанската игра во Македонија. Скопје. 1994.
- Борозан Ђ. Велика Албанија. Поријекло, идеје, пракса. Београд. 1995.
- Bulatović Lj., Spasić B. Smrt je njihov zanat. Dokumenti ustaškog terora. Beograd. 1993.
- Dimitrijević B. JNA od Staljina do Atlantskog pakta. Armija u spoljnoj politici Titove Jugoslavije 1945–1958. Beograd. 2006.
- Drljević S. Kontrarevolucija na Kosovu i Metohiji i zavodeње Vojne uprave februara 1945. // Zbornik radova sa naučnog skupa Za pobjedu i slobodu — knjiga 9. Završne operacije za oslobodeње Jugoslavije, Učesnici govore, 23. i 24. april, 1985. Beograd. 1986.
- Живојиновић Д. Ватикан, католичка црква и југословенска власт. Београд. 1994.
- Заточеници Голог Отока: регистар лица осуђиваних због Информбироа: документ Управе државне безбедности ФНР Југославије. Београд. 2016.
- Hockenos P. Homeland Calling: Exile Patriotism & the Balkan Wars. NY. 2003.
- Joksimović S. Oslobodeње Kosova (oktobar-novembar 1944. godine) // Vojnoistorijski glasnik 1.1975.
- Premk M. Matjaževa vojska 1945–1950. Ljubljana. 2005.
- Radelić Z. Križari. Gerila u Hrvatskoj 1945–1950. Zagreb. 2002.
- Razvoj oružanih snaga SFRJ 1945–1985. Savezni sekretarijat za narodnu odbranu I. Beograd. 1990.
- Тасић Д. Рат после рата, Војска Краљевине СХС на Косову и Метохији и у Македонији 1918–1920. Београд. 2008.
- Vukušić B. Tajni rat UDBE protiv hrvatskog iseljeničtva. Zagreb. 2001.
- Zaugg F.A. Albanische Muslime in der Waffen-SS. Von „Großalbanien“ zur Division „Skanderbeg“. Paderborn. 2016.
- Zbornik dokumenata o obaveštajnoj službi i službi bezbednosti u NOR. Knj. 18. Beograd & Državni sekretarijat za unutrašnje poslove FNRJ. 1961.